

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Назначение Изборника 1076 г.

В Древней Руси сборник был одной из основных форм книги.

Впрочем, «сборник» — это не совсем точное определение для того «жанра книги», который в Древней Руси был излюбленным. Гораздо точнее определяет этот жанр древнерусское слово «изборник» или «сборник». Ибо статьи для этих книг «избирались». Это были выбранные, избранные, сознательно подобранные статьи, объединявшиеся в отдельную книгу. В заключении к Изборнику 1076 г. писец Иоанн пишет: «Коньяша ся книги сия. . . избрано из мьногъ книгъ княжихъ» (л. 275 об.—276).¹

По какому же признаку избирались статьи для «изборников»? Часто говорят о многих из этих древнерусских книг как о своеобразных «энциклопедиях». Так говорил о них, в частности, акад. А. С. Орлов в своей специальной статье.²

Такое определение древнерусских «изборников» скорее неверно, чем верно. Во всяком случае сравнение с современными энциклопедиями неточно по следующей причине. Энциклопедии — это справочные издания, в которых соединяются сведения. Древнерусские издания имеют совсем особое назначение: это попытки «упорядочить» представления о мире древнерусского читателя, упорядочить его поведение в мире.

В Древней Руси пугала и была враждебна человеку всякая неизвестность, отсутствие ориентиров в окружающем большом мире.

Враждебная сторона — это прежде всего «незнаемая страна». Враги — это народы, пришедшие из неизвестности, которых «никто же не вестъ». Татары, нападавшие на Русь, нападали «из невести» и т. д. Чужие народы — это «немцы»: не потому, что они не могли говорить, а потому, что их не понимали.

Человек в средние века чувствовал себя окруженным неизвестностью — враждебной неизвестностью.

Книги были для него прежде всего важны тем, что они упорядочивали его представления о мире, давали ему путеводную нить по этому миру, учили его поведению — «мудрости». «Мудрость» же заключалась не только в знаниях, но и в осведомленном поведении. Суетность и торопливость были порождены, с древнерусской точки зрения, незнанием или неверными представлениями об окружающем; тем, что мелочи заслоняли главное, «низким горизонтом зрения». Мудрость же, напротив, была связана со спокойствием и неторопливостью, умением подниматься мыслью над мелочами, «летать умом под облаками», вносить порядок в беспорядочный и хаотический мир.

И основным содержанием «изборников» были поэтому книжные статьи, упорядочивавшие мир, вскрывавшие в мире «божественный замысел», и

¹ Здесь и далее цит по: Изборник 1076 г. / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

² Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Докл. Академии наук СССР. 1931. № 3. С. 37—51.

статьи, учившие человека поведению. Упорядочение наших знаний о мире, наших о нем представлений было вместе с тем и упорядочением нашего в нем поведения. Мудрость была и тем и другим: не только менталитетом, но и соответствующим разумным поведением. Поэтому и существовало определенное представление о «мудром человеке» — не только знающем мир, но и готовом ко всяким неожиданностям, спокойно себя в мире ведущем.

Замечательна и далеко не объяснена еще в своем средневековом значении первая статья Изборника 1076 г., трактующая вопрос о «почитании книжном».

Она не случайно помещена первой, и изложенной в ней «философии книги» подчинено затем все содержание Изборника.

Прежде всего замечательна и поразительна та роль, которая отводится книге в человеческой жизни, в представлениях о «праведности» человека. «Праведность» человека немыслима без книги, без чтения книг: «Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правдникъ бес почитания книжьнааго» (л. 2). «Красота воину оружие и кораблю вѣтрила — тако и правднику почитание книжное» (л. 2 об.).

Следовательно, книги — это и то, что делает человека праведником («гвозди», которыми скрепляются все составные его части), и та сила, то «оружие», тот «парус», которые позволяют праведнику воздействовать на мир, правильно в нем вести себя, вести свой корабль в «житейском море».

Это необычайно высокое представление о книге — представление, которое вряд ли было «превзойдено» в последующие века в Древней Руси.

Изборник 1076 г. изучался и изучается лингвистами, палеографами, литературоведами, историками и т. д. Сколько крупнейших ученых его внимательно читали. . . И не трижды, как рекомендует первая статья «О почитании книжном», а «многожды»: Щербатов, Калайдович, Востоков, Ермолаев, Оленин, Шлецер, Каченовский, Сахаров, Шевырев, Щепкин, Майков, Буслаев, Срезневский, А. Ф. Бычков и И. А. Бычков, Бодянский, Ламанский, Фортунатов, Соболевский, Ягич, Симони, Сперанский, и мн. др. Хочется сказать о них словами того же Изборника: «Да тѣмъ братия и сими подвижѣмъся на путь жития ихъ и на дѣла ихъ и поучаимъся въину книжьнымъ словесъмъ. . .» (л. 4 об.).

Все эти ученые в той или иной мере стремились «поразуметь силу и поучение с(вя)тых книг». Воздействие Изборника 1076 г. на русскую литературу было огромным. Для всех гуманитарных наук он представляет выдающийся интерес. Однако есть одна наука, которая еще в недостаточной мере выделилась как самостоятельная, — это история книжности. Для нее Изборник представляет исключительный интерес. В частности, он дает представление о древнерусских библиотеках того периода, о котором не сохранилось прямых данных. По его статьям в большей или меньшей степени можно судить об основном составе княжеской киевской библиотеки XI в. Такая работа досконально еще не проведена, но она могла бы послужить темой многих диссертаций. Вместе с тем Изборник в известной мере и сам представляет собой как бы маленькую библиотеку, библиотеку специального назначения, собранную под одним переплетом.

Поразительно это назначение Изборника 1076 г. И сейчас при крупных библиотеках существуют небольшие библиотеки специального назначения: для школьников, для студентов и прочих со специально выделенными фондами книг. Изборник 1076 г., как я уже указал, тоже своеобразная микробиблиотека — не энциклопедия, не справочник, а именно небольшая специальная библиотечка.

Небольшой формат книги, отсутствие в ней богатых украшений позволяют предполагать, что перед нами походная книга, книга, которая должна была заменить князю большую библиотеку, остававшуюся в Киеве. Князья проводили свою жизнь в постоянных переездах, походах. Изборник 1076 г.

был изборником любимого и нужнейшего для князя чтения. Против этого говорит, однако, такой факт, что в Изборнике 1076 г. в отличие от Изборника 1073 г. нет специального посвящения князю. Но можно предполагать, что Изборник 1076 г. с его воспитательно-образовательным содержанием предназначался для молодого князя, что подтверждает и сама первая статья «О почитании книжном», и особенно вторая статья «Слово некоего отца к сыну своему». Она определенно обращена не просто ко всякому сыну, а к сыну княжескому и, очевидно, русскому. За это говорит все содержание статьи. За это же говорит и все содержание книги. Изборник предназначен для воспитания княжеских детей, как впоследствии княжеским детям предназначалось «Поучение Владимира Мономаха». И не случайно «Поучение Владимира Мономаха» имеет многочисленные точки соприкосновения с Изборником 1076 г.

Обращают на себя внимание небольшой формат Изборника и скромное оформление, особенно если сравнить его с роскошным оформлением Изборника 1073 г., во многом сходного по содержанию.

Возникает предположение: не был ли Изборник 1076 г. особого рода походной книгой, которую Константин Багрянородный советовал брать с собой в походы?

Константин Багрянородный в книге «О церемониях» описывает и церемонию при выступлении в поход. Здесь Константин подробно описывает библиотеку, которая должна сопровождать императора, причем наряду с книгами богослужебными³ и стратегическими упоминается и снотолкователь Артемидора. Перечислены также разные принадлежности туалета (например, духи), а также, что особенно интересно, упомянуты походные малые часы.⁴

Предположение это подтверждается тем, что в написанном Владимиром Мономахом в походе «Поучении» наблюдаются многочисленные реминисценции из Изборника 1076 г.

Сравним тексты из «Поучения» и Изборника.⁵

Поучение Владимира
Мономаха

Изборник 1076 г.

(Из Василия:) Яди и питью бесъ
пища велика быти, при старых молчати,
премудрыхъ слушати, старѣйшимъ пока-
ряться, с точными и меншими любовь
имѣти; без лукаи бесѣдующе, а много
разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни
хулити бесѣдою, не обило смѣяться,
срамлятися старѣйшихъ, к женам нелѣ-
пымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти,
а душу горѣ, пребѣгати (с. 155).

Кроткѣ боуди къ всѣмъ коуму члвкоу,
къ старѣйшюумоу тебе и къ мньшюу-
моу (с. 214).

Сго Василии «Како подобаетъ члвкоу
быти»: . . . ѣдение и питие без говора
съ оудержаниємъ. Прѣдъ старци мълча-
ние, прѣдъ моудрыми послушание, съ
тѣхъными любовь имѣти, съ мньшими
лжбъвное сѣвѣщание. Отъ плѣтскихъ
и любосластныхъ вешти бѣгати, мало
глати, а множѣе разоумѣвати, не дързоу
быти словѣмъ, ни прѣрѣковати въ
людьхъ. Не скоро въ смѣхъ выпапати,
соромаживоу быти, долу очи имѣти,
а горѣ, не противоу отгѣвѣщавати (с. 460—
462).

³ В Ватикане хранится пергаментный пролог, с изящной живописью по золотому полю, принадлежащий Константину Багрянородному (М у р а в ъ е в А. Н. Римские письма. СПб. Т. 1. С. 270). Вероятно, эта книга сопровождала Константина в походах, возможно даже, что она разрисована им собственноручно.

⁴ Сочинения Константина Багрянородного «О Фемах» (De Thematribus) и «О народах» (De Administrando Imperio) / С предисл. Г. Ласкина. М., 1899. С. 8.

⁵ «Поучение Владимира Мономаха» цит. по: Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950 (Литературные памятники).

(Добавлено к Василию и тексту 1076 г.): Не стрѣкати учить легких власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, от бога мзды да часть и вѣчных благъ насладится (с. 155).

... долу очи имѣти, а душу горѣ. . . (с. 155).

Куда же поидете, иде же станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославлять челоуѣка по всѣмъ землямъ, любо добрым, любо злымъ (с. 158).

Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка (с. 157).

(А перед тем из псалтири:) «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю» (с. 155).

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти (с. 163).

Епископы, и попы, и игумены... с любовью взимайте от нихъ благословление, и не устранийтесь от нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете от нихъ молитву... от бога (с. 157).

Азъ худый (с. 153).

... иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ облюод отъ тѣхъ часъ смертныхъ (с. 163).

Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе (с. 165).

Лѣньность бо всему мати: еже умѣть, то забудеть, а его же не умѣть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣннити ни на что доброе, первое

... долу понича, оумъ же къ нбси простираи. . . (с. 271).

Боуди пониженъ главою, высокъ же оумъ, очи имѣи въ земли, оумъи же въ нбси (с. 165).

... къ челоукомъ привѣтливъ, и печальнааго тѣшитель, трыпѣливъ въ напасти и ништегѣ: штедръ и милостивъ, ништимъ кърмитель страшнопримьникъ (с. 271).

Члоу алчйнааго накърми, яко же ти самъ гъ повелѣлъ, жадьнааго напои, страньна въведи, больна присѣти, къ тмьнѣи доиди, виждь бѣдъ ихъ и въздъхни (с. 171).

... велико бо то спсение есть, еже обидимымъ избавляти. . . (с. 229).

Убогыхъ посѣшати, вдовицѣ заштишати, немощнымъ милоуити, и осужаемымъ бес правды изымѣти, миръ имѣти съ всѣми (с. 478).

... болаштыхъ посѣшати, старымъ оутѣшати, оубогымъ напитаи, скърбаштымъ оутѣши: заблужьшымъ накажи, вдовицамъ помощьникъ боуди, мрътымъ пугрѣбаи (с. 484).

Попы вса одинако чти (с. 281).

Еспомъ и пастоухомъ хва стада словесныхъ овецъ, главою свою покланамъ, и припадаи къ ногама ихъ и моли да дасть ти са блгсловление ихъ (с. 266—267).

Паче всакого чърноризца не тѣши са минуоти бес поклонения (с. 270).

... хоудии же и оубозии. . . (с. 225).

Надъ мрътымъ не плачи нъ надъ несмыслыннымъ. Онъ бо обьить поуть (с. 303—304).

Мати злымъ лѣньность (с. 287).

к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреню отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный!» (с. 158).

В дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему (с. 157).

. . . а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо чловѣкъ погыбаетъ (с. 157).

А бога дѣля не лѣнитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ (покаяния, слез и милостыню. — *Д. Л.*): не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечство, ни голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ уллучити милость божью (с. 155—156).

Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кым орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпницю ѣздя (с. 157).

Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы. И чловѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жѣну свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего (с. 158).

Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы. И чловѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жѣну свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего (с. 158).

(В научение князьямъ:) И сему ся по-двигуемы, како птица небесныя изъ ирья (рая. — *Д. Л.*) идуть, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля (с. 156).

Чалъмъ въиноу (всегда. — *Д. Л.*) да боудеть въ оустѣхъ твоихъ (с. 277).

Въиноу поминай ба да яко нбо боудеть оумъ твой (с. 277).

Въ языцѣ прѣже врачл имѣи молтвоу (с. 281).

Страхъ бжии имѣи въ срьдци въиноу, и памать аky тоу соушта ба съ тобою на всакомъ мѣстѣ, иде же идеши или сядеші (с. 209).

Болаштааго посѣти: неси юго же хочеть въкоусити. Самъ же послоужи о немъ (с. 254).

Зѣло оуспѣшно къ покаянню и слзамъ посѣштении оумирающтиихъ. . . (с. 256).

Коньць же всѣмъ прѣже реченымъ. . . страхъ юго да пребываетъ въ срдци твоємъ (с. 270—271).

. . . (буди) къ челькомъ привѣтливъ и печальнааго тѣшитель (с. 271).

Вънѣць прѣмоудрости боати сѧ га. Страхъ гнь процвѣтаи миръ и сдравиѣи и ицѣлениѣ (с. 312—313).

. . . вси равни соутъ. И оубозни и богатиѣ (с. 235).

Итак, «избранный из многих книг княжих» Изборник 1076 г. служил для княжеского чтения — походного, очевидно, так как книга отличается чрезвычайно скромным оформлением и компактным расположением текста. Из этого следует важный вывод: изучение содержания Изборника 1076 г. может восстановить тот идеал княжеской морали, который церковь считала необходимым для князя. И идеал этот, в какой-то мере принимавшийся князьями (если не в их повседневной деятельности, то во всяком случае в принципе), так или иначе должен был воздействовать на их поступки. Дальнейшая разработка этой темы — задача, весьма перспективная для будущих исследователей. Обращенность Изборника к «князьям» исключает его составление в Болгарии. Другое дело, что он мог составляться в основном на материале болгарских книг или по крайней мере переводов, сделанных в Болгарии. Во всяком случае составление его принципиально отлично от происхождения Изборника 1073 года и объединять их якобы общим происхождением нет оснований.